

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ Под знойным небом Аргентины

ИЗ НОВОЙ КНИГИ О КОНСТАНТИНЕ ПАУСТОВСКОМ

XX век стремительно утверждался кинематографом, электрическим трамваем, английским футболом, французскими аэропланами, граммофонами, автомобилями, рентгеновскими кабинетами, роликовыми коньками и многочисленными варьете, кабаре, театрами миниатюр. Спрос определил предложение, появились песни, написанные специально для этих заведений, слетели с подмостков, оторвались от авторов и разнеслись по городам и весям.

К новациям этого века можно отнести и авторскую песню, у истоков которой стояли, вернее, пели Александр Николаевич Вертинский и чуть раньше его — Иза Яковлевна Кремер.

Она родилась в 1887 году в старинном тогда еще бессарабском, теперь — молдавском городе Бельцы, училась пению в Милане, потом приехала в Одессу, где взошла звезда ее актерской славы. Голос широкого диапазона позволял ей с успехом петь в операх, опереттах и сольных концертах, в которых она исполняла свои песни "Воспоминанья", "Красное и черное", "Мадам Лулу", "Мисс Джен", "Мотыльки", "Негр из Занзибара", "Черный Том"... Она пела их в Екатеринославе, Киеве, Кишиневе, Москве, Петрограде, Ростове-на-Дону... И везде, когда на сцену выходила эта маленького роста женщина, с веселыми глазами, как назвал их Корней Чуковский, с высокой взбитой прической, в черном платье с белыми муаровыми полосами, зал замирал в ожидании чуда, а по свершении его взрывался аплодисментами. И где бы ни пела Иза Кремер, она возвращалась в Одессу, в дом № 1 на Екатерининской улице, фасад которого украшает неподвластная времени мозаичная картина.

Теперь, проходя мимо этого дома, я всегда вспоминаю старого одесского "театрального человека" Генриха Григорьевича Пинского — куплетиста, конферансье, режиссера, администратора, организатора и руководителя эстрадных коллективов, студий и даже варьете в ресторане "Киев" на Греческой площади, первого в Одессе после многолетнего перерыва и по нынешним понятиям — совершенно "безобидного". Он лишился глаза во время первого налета фашистской авиации на Одессу 22 июля 1941 года, с тех пор носил черную повязку и, когда приходил по служебным делам к какому-либо начальнику, то доверительно сообщал: "Я пришел к вам говорить с глазу на глаз". Эта повязка, известная, наверное, половине Одессы, по-моему, только "работала" на весь его облик высокого, крупного respectableного господина. И в то же время было в нем что-то от Остапа Бендера в самом хорошем смысле, впрочем, другого смысла я в "великом комбинаторе" никогда не усматривал. А прогуливаться с Генрихом по Одессе было сущим удовольствием. Правда, он постоянно церемонно раскланивался и перебрасывался несколькими словами с многочисленными друзьями, приятелями, коллегами, питомцами, бывшими соседями и нынешними знакомыми обоюбого пола, зато в перерывах делился любопытными, зачастую смачными воспоминаниями о временах, которые давно миновали, и о людях, которые давно ушли. "Я живу в доме, где жила Иза Кремер", — частенько говорил он. И повторял по слогам: "И-ЗА КРЕ-МЕР! Ты понимаешь?!" Честно говоря, я тогда это мало понимал.

Из этого дома она уехала в эмиграцию, гастролировала во многих странах, записывала на грампластинки не только свои, но еврейские, русские, украинские, цыганские песни, снималась в кино. Умерла Иза Кремер в 1956 году в аргентинском городе Кордова, и это было странное и грустное совпадение, потому что самая известная ее песня "Последнее танго" начинается словами "В далекой знойной Аргентине..."

Во всем знаком полный текст этой песни, и не так уж много людей слышали грамзаписи ее авторского исполнения. Но читающие люди, по крайней мере, знают о существовании этой песни, поскольку она пережила автора и осталась в книгах писателей разных поколений и разных литературных школ.

В 1920 году писатель, поэт и драматург Илья Львович Сельвинский начал, но не закончил писать поэму "Ублюдок", в которой осталось одесское кафе времен гражданской войны:

*Лимонно-золотое пламя
Разлили лампочки в кафе.
Здесь сизы скатерти. Здесь Даме
Манто набросят голиффе;
Здесь демона облитый фрак
Истомно обнимает ангел;
И оба, изгибаясь в такт,
Томительный танцуют танго:
"В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины, как на картине —
Там Джо влюбился в Кло..."*

А в 1922 году в Берлине в литературном приложении к газете "Накануне" был напечатан рассказ Михаила Афанасьевича Булгакова "Чаша жизни", персонажи которого появляются в московском ресторане на Неглинном, где "...метростель, как какой-нибудь граф: "Сто-лик". Скрипки: "Под знойным небом Аргентины".

Через девять лет в журнале "30 дней" был опубликован роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова "Золотой теленок" и читатели узнали, что "над городом явственно послышался канифольный скрип колеса Фортуны. Это был тонкий музыкальный звук, который перешел вдруг в легкий скрипичный унисон... И хватающая за сердце, давно позабытая мелодия заставила звучать все предметы, находившиеся в Черноморском отделении Арбатовской конторы по заготовке рогов и копыт. Первым начал самовар. <...> И самовар запел:

*Под знойным небом Аргентины,
Где небо южное так сине...*

Великий комбинатор танцевал танго. <...> А мелодию уже перехватили пишущая машинка с турецким акцентом:

*Гдэ нэбо южноэ так синэ,
Гдэ жэнщины, как на картине...*

И неуклюжий, выдавший виды чугунный компостер глухо вздыхал о невозвратном времени:

*Где женщины, как на картине,
Танцуют все танго.*

Остап танцевал классическое провинци-

альное танго, которое исполняли в театрах миниатюр двадцать лет тому назад..."

Но оказалось, что это не такая уж "давно забытая мелодия", как считали Ильф и Петров, кое-кто ее еще долго помнил, в частности, Паустовский, который в 1954 году в повести "Беспокойная юность" написал о том, что "низенький седой коммивояжер, представитель фирмы готового платья "Мандель и компания" <...> ходил по коридору, засунув руки в карманы, и напевал: "Под знойным небом Аргентины, где женщины, как на картине, где небо южное так сине, там Джо влюбился в Кло!"

Не прошло и десяти лет, как Василий Павлович Аксенов написал "Под небом знойной Аргентины" повесть, вернее, путевые заметки. А в 1969 году на другом конце света издательство McGraw-Hill в Соединенных Штатах Америки выпустило новый роман уроженца Петербурга русского и американского писателя, поэта, переводчика и литературоведа Владимира Владимировича Набокова "Ада", главный герой которого артист варьете Ван Вин танцует со своей партнершей Ритой, которая поет песню Изы Кремер: "В последнем турне Вана его номер завершался танго, для которого он получил партнершу, кабаре-точную танцовку из Крыма в коротком искрящемся платье с низким вырезом на спине. Танцуя, она пела по-русски и по-английски:

*Под знойным небом Аргентины,
Под страстный говор мандолины
Neath sultry sky of Argentina,
To the hot hum of mandolina."*

Набоков написал это ровно через пятьдесят пять лет после того, как в 1914 году в Париже Иза Кремер услышала песню композитора Эмиля Долуара "Последнее танго", которую в кабаре на Монмартре пела известная французская певица и актриса кабаре Иветта Гильбер. Изменив сюжет, Иза написала русский текст и в том же году на концертах в Петрограде, Киеве и Одессе исполняла свою новую песню.

*В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины, как на картине,
Там Джо влюбился в Кло...
Лишь зажигался свет вечерний,
Она плясала с ним в таверне
Для пьяной и разгульной черни
Дразнящее танго.*

*Но вот однажды с маленькой эстрады
Ее в Париж увез английский сэр,
И вскоре Кло в накеповском наряде
Была царицей на Bataille de fleurs.
Ее лицо классической камеи,
Ее фигуру в стиле Тапагала
Знал весь Париж и любовался ею
И на gran prix, и в Орега.*

*В ночных шикарных ресторанах,
На низких бархатных диванах
С шампанским в узеньких стаканах
Проводит ночи Кло...*

*Поют о страсти нежно скрипки —
И Кло, сгибая стан свой гибкий
И рассылая всем улыбки,
Идет плясать танго.*

*Но вот навстречу вышел кто-то стройный...
Он Кло спокойно руку подает,
Партнера Джо из Аргентины знойной
Она в танцоре этом узнает...
Трепещет Кло и плачет вместе с скрипкой...
В тревоге замер шумный зал
И вот конец... Джо с дьявольской улыбкой
Вонзает в Кло кинжал.*

*В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины, как на картине,
Про Джо и Кло поют...
Там знуют огненные страсти,
Там все покорно этой власти,
Там часто по дороге к счастью
Любовь и смерть идут...*

Летом 1917 года в репертуаре театра миниатюр "Улыбка", который давал представления в помещении Русского театра на Греческой, 48, появилась инсценировка песни "Последнее танго" в постановке известного режиссера Николая Ивановича Соболевского-Самарина. Единственные воспоминания об этом оставил Владимир Александрович Галицкий.

Какой-нибудь приезжий мог посчитать это представление данью вкусам местной публики, но через год, в июне 1918-го, на экраны вышла "салонная драма в 5 частях "Последнее танго", снятая на сюжет песни Изы Кремер уроженцем Одессы режиссером Вячеславом Казимировичем Висковским на московской "фабрике кинематографических картин" Торгового дома Дмитрия Ивановича Харитоновна. Главные роли Кло и Джо там исполнили королева российского экрана Вера Васильевна Холодная и популярный артист Осип Ильич Рунич — и, судя по сохранившемуся фрагменту фильма, делали это великолепно. Во время демонстрации фильма или, как тогда называли, фильма, тапер наигрывал на пианино мелодию "Под знойным небом Аргентины", а в кино "Экспресс" на Дерибасовской, 29 пушкого эффекта ради специально пригласенная из варьете артистка пела эту песенку, что называется, за кадром. И зрителям, увлеченным фильмом, начинало казаться, что это поет на экране сама Вера Холодная.

А несколько месяцев спустя живой голос королевы экрана звучал в театре "Гротеск", который сменил "Улыбку" в помещении Русского театра. 29 сентября там состоялась премьера мимодрамы "Последнее танго", поставленной режиссером московских, а потом киевских театров миниатюр А.И. Сориним с участием Веры Холодной и Осипа Рунича.

В Русском театре принимали их восторженно, Вере Холодной поднесли огромный букет роз из престижного цветочного магазина Роте, и аплодисменты были слышны чуть ли не на соседней Дерибасовской.